

**РОССИЙСКАЯ  
ФЕДЕРАЦИЯ:  
БРИФИНГ ДЛЯ  
КОМИТЕТА ООН  
ПРОТИВ ПЫТОК**

ОКТАБРЬ 2012 ГОДА

**AMNESTY  
INTERNATIONAL**



**Amnesty International Publications**

Впервые опубликовано в 2012 году  
Amnesty International Publications  
International Secretariat  
Peter Benenson House  
1 Easton Street  
London WC1X 0DW  
United Kingdom  
[www.amnesty.org](http://www.amnesty.org)

© Amnesty International, 2012 год

Индекс: EUR 46/040/2012  
Язык оригинала: английский  
Отпечатано Международным секретариатом Amnesty International, Великобритания

Все права защищены. Данная публикация охраняется авторским правом, однако может бесплатно воспроизводиться в правозащитных целях, для проведения кампаний и в целях обучения, но не для перепродажи. Любое использование всегда должно предварительно согласовываться с правообладателями для оценки воздействия. При воспроизведении в иных целях, при переводе на другие языки либо адаптации требуется предварительное письменное согласие издателей, и может взиматься плата. Для получения разрешения, а также по другим вопросам просьба обращаться по адресу: [copyright@amnesty.org](mailto:copyright@amnesty.org)

Amnesty International — всемирное движение, объединяющее свыше трёх миллионов человек в более чем 150 странах и территориальных образованиях. Члены, сторонники и активисты организации выступают за прекращение грубых нарушений прав человека.

Мы стремимся к тому, чтобы каждый мог пользоваться всеми правами, провозглашёнными во Всеобщей декларации прав человека и других международных стандартах в области прав человека.

Мы не зависим ни от каких правительственных структур и не руководствуемся какими бы то ни было политическими убеждениями, экономическими интересами и религиозными воззрениями. Основную часть средств организация получает за счёт членских взносов и добровольных пожертвований.

**AMNESTY  
INTERNATIONAL**



## СОДЕРЖАНИЕ

|  |           |
|--|-----------|
| <u>1. Краткая справка.....</u>   | <u>4</u>  |
| <u>2. Положительные изменения со дня публикации последних выводов и рекомендаций КПП по российской федерации (статьи 11 и 12).....</u> | <u>5</u>  |
| <u>3. Законодательный запрет пытки и определение пытки (статьи 1 и 16).....</u>  | <u>7</u>  |
| <u>4. Гарантии защиты задержанных от пыток в российской системе уголовного судопроизводства (статьи 2, 13 и 15).....</u>               | <u>7</u>  |
| <u>5. Изъяны правоприменительной практики: как попираются и обходятся гарантии (статьи 1, 2, 10, 12, 15 и 16).....</u>                 | <u>9</u>  |
| <u>5.1 Лица, выведенные из-под защиты закона: тайное и негласное содержание под стражей, насильственное исчезновение .....</u>         | <u>9</u>  |
| <u>5.2. Содержание под стражей без связи с внешним миром и отказ в предоставлении адвоката, выбранного самим задержанным .....</u>     | <u>12</u> |
| <u>5.3. Использование на уголовных процессах доказательств, полученных под пытками .....</u>   | <u>13</u> |
| <u>5.4. Недостаточная независимость органов следствия и прокуратуры и связанная с этим безнаказанность .....</u>                       | <u>15</u> |
| <u>6. Неотложные меры по борьбе с пытками и их искоренению .....</u>   | <u>17</u> |

# Российская Федерация

## Брифинг для Комитета ООН против пыток

### 1. КРАТКАЯ СПРАВКА

Amnesty International регулярно получает сообщения о пытках и других видах жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (далее — жестокого обращения) со стороны сотрудников полиции и других правоохранительных органов в местах предварительного заключения и пенитенциарных учреждениях в различных частях Российской Федерации. Кроме того, ряд сообщений касается неофициального или негласного содержания под стражей, в частности, на территории Северного Кавказа.

Российская Федерация добилась определённых успехов с тех пор, как в 2007 году Комитет против пыток (КПП) представил свои рекомендации по итогам рассмотрения отчёта о соблюдении страной Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее — Конвенции против пыток). Однако ряд рекомендаций КПП и других правозащитных органов остались невыполненными. Пытки и другие виды жестокого обращения, как и прежде, практикуются повсеместно. Об этом свидетельствуют как отдельные, так и систематические случаи, зафиксированные рядом российских неправительственных организаций (НПО). В целом, борьба с пытками и их искоренение едва ли ведётся успешно. Безнаказанность пыток и жестокого обращения по-прежнему сохраняется и до сих пор является актуальной проблемой в России.

Как Amnesty International уже подчёркивала в предыдущем своём представлении КПП (индекс AI: EUR 46/039/2006), должностные лица в Российской Федерации либо непосредственно причастны к пыткам и жестокому обращению, либо обеспечивают безнаказанность таких действий. Организации также известно, что проблема этих нарушений стоит особенно остро на Северном Кавказе. Это подтвердилось недавними исследованиями нарушений прав человека в контексте борьбы с терроризмом и вооружёнными формированиями. Исследования проводились в ходе ряда визитов в Северо-Кавказский регион в 2010-2012 годах. Так, в одном из последних докладов Amnesty International рассматривает ситуацию в Республике Ингушетии в качестве яркого примера обстановки, сложившейся во всём регионе, и в этом контексте анализирует отдельные методы и подходы правоохранительных органов. Доклад указывает на то, что на Северном Кавказе пытки и жестокое обращение остаются обыденным явлением<sup>1</sup>. Сложная организация и непрозрачность ведомственных структур, проводящих спецоперации на территории Северного Кавказа, отсутствие подотчётности этих ведомств и тайный характер операций создают обстановку, в которой очень легко нарушить права человека, а виновникам — уйти от ответственности. В настоящем документе описаны гарантии защиты от пыток, предусмотренные российской правовой системой, и их недостатки. Кроме того, в нём рассказывается о методах, к которым прибегают сотрудники правоохранительных органов, чтобы обойти эти гарантии, а также о характерных особенностях системы уголовного судопроизводства, не позволяющих эффективно соблюдать запрет на рассмотрение полученных под пытками доказательств в ходе судебных процессов по уголовным делам. Этот анализ дополняют примеры случаев по результатам последних

<sup>1</sup> «Замкнутый круг несправедливости: спецоперации и нарушения прав человека в Ингушетии» (EUR 46/012/2012). В докладе собраны примеры случаев, произошедших в Республике Ингушетии, однако его выводы относятся к ситуации на всей территории Северного Кавказа. С текстом доклада можно ознакомиться по адресу: [http://amnesty.org.ru/system/files/Ingushetia\\_Report\\_0.pdf](http://amnesty.org.ru/system/files/Ingushetia_Report_0.pdf).

## 2. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ ПОСЛЕДНИХ ВЫВОДОВ И РЕКОМЕНДАЦИЙ КПП ПО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТАТЬИ 11 и 12)

В постсоветский период российская система уголовного судопроизводства претерпела значительные изменения. В последние годы отмечен ряд положительных подвижек в сторону искоренения пыток и жестокого обращения, в том числе — после представления пятого периодического доклада страны в декабре 2010 года. На сегодняшний день в российском законодательстве предусмотрен ряд важных процедурных гарантий и практических мер по защите от пыток, как того требуют нормы международного права в области прав человека и рекомендации международных правозащитных механизмов. Тем не менее, как будет показано ниже, правоохранительные органы различными способами обходят многие из этих защитных механизмов.

Особенно значительным изменением стали правовые и практические шаги к разделению функций уголовного следствия и уголовного преследования в соответствии с выводами и рекомендациями КПП (в частности, в пункте 12)<sup>2</sup>. Так, до 2011 года прокуратура занималась как расследованием тяжких преступлений, так и уголовным преследованием по таким делам (в 2007 году следственную функцию выполнял вновь созданный Следственный комитет, однако при этом он сам являлся составной частью прокуратуры). В январе 2011 года Следственный комитет стал самостоятельным органом, подчинённым непосредственно президенту, наравне с прокуратурой.

Более того, в апреле 2012 года в структуре Следственного комитета были созданы специальные отделы по расследованию преступлений, предположительно совершённых сотрудниками полиции и других правоохранительных органов. Согласно заявлению для прессы, сделанном Следственным комитетом, эта мера принята в ответ на инициативу российских правозащитных организаций, предложивших создать специализированные подразделения в составе Следственного комитета для повышения беспристрастности и эффективности расследований по уголовным делам о пытках и жестоком обращении. В порядке этой инициативы новые следственные отделы<sup>3</sup> созданы на уровне каждого федерального округа<sup>4</sup> и отдельно по Москве, Московской области и Санкт-Петербургу, а также в Главном следственном управлении Следственного комитета.

---

<sup>2</sup> Комитет ООН против пыток, Выводы и рекомендации Комитета против пыток: Российская Федерация, 6 февраля 2007 года, CAT/C/RUS/CO/4: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=4a03e48e2> (ссылка по состоянию на 8 ноября 2012 года)

<sup>3</sup> С текстом соответствующего приказа можно ознакомиться на сайте Следственного комитета: <http://www.sledcom.ru/upload/iblock/a4c/a4cdc6b6dc00679897197909e1682a3d.pdf> (ссылка по состоянию на 8 ноября 2012 года).

<sup>4</sup> Территория Российской Федерации разбита на восемь федеральных округов.

Эта инициатива может реально помочь искоренению безнаказанности нарушений прав человека, в том числе — пыток и жестокого обращения. Однако пока не ясно, насколько эффективной окажется эта мера. В новых отделах в каждом из федеральных округов работают лишь по три сотрудника, и по десять — в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге, соответственно. По всей видимости, на данном этапе инициатива не получила материального и кадрового обеспечения, необходимого для выполнения огромной задачи, стоящей перед этими новыми отделами и Россией в целом. Существуют и другие проблемы. Например, Следственный комитет пока не опубликовал чёткие и исчерпывающие критерии, согласно которым дела должны передаваться на рассмотрение в новые отделы, и при каких обстоятельствах. Из вышесказанного следует, что специализированным следственным отделам предстоит преодолеть существенные препятствия, прежде чем они смогут эффективно расследовать заявления в порядке текущей работы, не говоря уже о том, чтобы заниматься прошлыми случаями.

В пункте 9(с) выводов и рекомендаций КПП призвал Российскую Федерацию обеспечить *«регулярное, независимое и неограниченное посещение всех мест лишения свободы без предварительного объявления... а также содействовать посещениям независимых наблюдателей, таких как представители неправительственных организаций»*. Десятого июня 2008 года был принят новый Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»<sup>5</sup>. Закон предусматривает создание местных общественных наблюдательных комиссий на всей территории Российской Федерации в качестве механизма независимого мониторинга мест содержания под стражей.

Эффективность этого механизма не одинакова в различных регионах страны и, по большей части, зависит от компетентности и степени независимости тех или иных членов комиссий, проводящих проверки. В ряде посещённых мест, особенно когда в состав комиссий входили специалисты правозащитных организаций, известных своим профессионализмом и независимостью, комиссии работали эффективно, выявляя признаки пыток и жестокого обращения<sup>6</sup>. Согласно закону, общественная наблюдательная комиссия должна сообщать администрации соответствующего места принудительного содержания о посещении конкретного учреждения и о времени визита, однако членам комиссии не требуется специальных разрешений для таких посещений. Закон также требует, чтобы встречи членов комиссии с лицами, находящимися в местах принудительного содержания, проводились в присутствии сотрудников данного учреждения. Общественная наблюдательная комиссия не обладает специальными следственными полномочиями, поэтому, в случае выявления нарушений, она должна представить свои выводы в прокуратуру и Следственный комитет для дальнейшего расследования.

---

<sup>5</sup> С текстом закона можно ознакомиться по адресу:

[http://www.president-sovet.ru/structure/group\\_10/materials/federal\\_law/index.php](http://www.president-sovet.ru/structure/group_10/materials/federal_law/index.php) (ссылка по состоянию на 8 ноября 2012 года).

<sup>6</sup> На эффективность работы многих общественных наблюдательных комиссий в России, скорее всего, значительно повлияет новый Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», который вступает в силу в ноябре 2012 года. Как ожидается, закон приведёт к сокращению числа независимых неправительственных организаций, а также к ослаблению потенциала оставшихся, что повлечёт за собой утрату ценных независимых специалистов, которые сегодня работают в составе этих комиссий (их работа не оплачивается). Подробнее узнать о том, как данный закон повлияет на российское гражданское общество и его способность оказывать услуги, столь важные российскому обществу, можно узнать из заявления Amnesty International под названием «Российская Федерация: новая угроза для свободы объединений» (EUR 46/029/2012), заявление, 13 июля 2012 года: <http://www.amnesty.org/ru/node/2261>.

### **3. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ЗАПРЕТ ПЫТКИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЫТКИ (СТАТЬИ 1 и 16)**

Применение пыток и жестокого обращения запрещено российским законодательством, в том числе Конституцией (статья 21), Уголовным кодексом (статья 117), Федеральным законом «О полиции» (статья 5(2)) и прочими законодательными актами. Последний закон был принят уже после публикации выводов и рекомендаций КПП по Российской Федерации в 2007 году. Тем не менее, юридическое определение пытки, содержащееся в этих законодательных положениях, размыто и не соответствует статье 1 Конвенции против пыток. Так, в статье 117 Уголовного кодекса говорится об истязании, которое определяется как причинение физических и психических страданий, в том числе путём систематического нанесения побоев, а пытка упоминается как отягчающее обстоятельство. Однако в определении пытки, содержащемся в комментарии к этой статье, а именно: *«причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях»*, не содержится указаний на непосредственное участие в этом должностных и других лиц, выступающих в официальном качестве, либо на действия с их ведома или молчаливого согласия. Более того, немаловажно, что российское законодательство не предусматривает определения иных видов жестокого обращения и не содержит их запрета, в случаях, когда таковые не подпадают под определение пытки.

### **4. ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ЗАДЕРЖАННЫХ ОТ ПЫТОК В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (СТАТЬИ 2, 13 и 15)**

Нормы и процедуры российского законодательства предусматривают ряд важных гарантий защиты от пыток и жестокого обращения. Они относятся к правилам, регулирующим процедуру ареста и содержания под стражей, ограничивают полномочия и накладывают определённые обязательства на сотрудников государственных правоохранительных органов, определяют важные процессуальные права лиц, содержащихся под стражей, а также запрещают российским судам рассматривать показания, полученные под пытками.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс ограничивает период содержания под стражей лиц, подозреваемых в совершении тяжких преступлений, сорока восьмью часами. Дальнейшее содержание под стражей, превышающее 48-часовой срок, определяется постановлением судьи в присутствии задержанного. При этом продление срока задержания в полиции допускается не более чем на 72 часа (задержание), в случае более продолжительного срока задержанный должен быть заключён под стражу в СИЗО — учреждение, подведомственное Федеральной службе исполнения наказаний, которая, в свою очередь, подчинена Министерству юстиции. В целом срок содержания в предварительном заключении лиц, в отношении которых возбуждено уголовное дело, не должен превышать двух месяцев, однако суд вправе продлить этот срок более чем

до шести месяцев в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, и до 18 месяцев — в «исключительных случаях»<sup>7</sup>.

Согласно нормам российского законодательства, задержанным разъясняются их права в начале задержания, а производящее арест должностное лицо должно составить протокол задержания не позднее трёх часов после ареста. В протоколе, помимо прочего, указываются причины задержания и делается отметка о том, что задержанному лицу разъяснены его соответствующие права<sup>8</sup>. В течение 12 часов после ареста родственники задержанного должны быть уведомлены о его аресте, а официальный допрос должен быть произведён не позднее 24 часов с момента задержания<sup>9</sup>. Задержанный имеет право на безотлагательную юридическую помощь, в том числе на конфиденциальное двухчасовое свидание с адвокатом до начала первого допроса, а также на его присутствие на всех допросах и следственных действиях на протяжении всего следствия<sup>10</sup>. Адвокат может быть выбран и нанят в частном порядке самим задержанным или его родственниками либо бесплатно предоставляется государством по назначению<sup>11</sup>. Любые письменные показания задержанного допускаются к рассмотрению в суде в качестве доказательства против него как обвиняемого лишь в том случае, если обвиняемый лично подтверждает их в суде либо если они были ранее подписаны в присутствии его защитника<sup>12</sup>. Во время любого содержания под стражей задержанный вправе иметь свидания с адвокатом без ограничения их числа и продолжительности, а адвокат — на беспрепятственные встречи с администрацией пенитенциарного учреждения и обеспечение условий конфиденциальности для встреч с подзащитным<sup>13</sup>.

Закон требует, чтобы при доставке в официальное место содержания под стражей задержанного осматривали<sup>14</sup>. Его физическое состояние документально фиксируется с описанием всех имеющихся на текущий момент телесных повреждений. При ухудшении состояния здоровья либо в случае получения телесных повреждений, по просьбе задержанного медицинские работники безотлагательно проводят медицинское освидетельствование, а задержанный получает на руки копию медицинского заключения<sup>15</sup>.

Российское законодательство содержит исчерпывающий перечень государственных учреждений, уполномоченных удерживать лицо под стражей в качестве подозреваемого по уголовному делу<sup>16</sup>. Список включает учреждения полиции общественной безопасности (задержание до 48 часов) и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), но исключает другие подразделения полиции (например, управление МВД по борьбе с экстремизмом), Следственный комитет и Федеральную службу безопасности (но не пограничные органы ФСБ, у которых имеются собственные изоляторы).

---

<sup>7</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, статьи 94 и 109.

<sup>8</sup> Там же, статья 92.

<sup>9</sup> Там же, статьи 96(1) и 46(2).

<sup>10</sup> Там же, статьи 49, 92(4) и 16.

<sup>11</sup> Там же, статья 47.4(8).

<sup>12</sup> Там же, статья 75.2(1).

<sup>13</sup> Там же, статья 47.4(9).

<sup>14</sup> Например, см. статью 14(16) Федерального закона «О полиции».

<sup>15</sup> Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», статья 24.

<sup>16</sup> Там же, статья 7.

## 5. ИЗЪЯНЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: КАК ПОПИРАЮТСЯ И ОБХОДЯТСЯ ГАРАНТИИ (СТАТЬИ 1, 2, 10, 12, 15 и 16)

Несмотря на то, что закон предусматривает вышеописанные гарантии, Amnesty International по-прежнему регулярно получает достоверные сообщения о пытках и жестоком обращении со всех концов Российской Федерации, и особенно с Северного Кавказа. В последние годы организация подробнее изучила ряд таких инцидентов в ходе исследовательских поездок на Северный Кавказ и рассказала о нескольких случаях пыток и жестокого обращения в своём июньском докладе 2012 года, посвящённом ситуации в Республике Ингушетии<sup>17</sup>. В докладе рассматривается ситуация в Ингушетии как наглядный пример того, что структурные механизмы поддерживают нарушения прав человека, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов в контексте борьбы с вооружёнными группировками, и способствуют высокой степени безнаказанности преступлений в рамках международного права, в том числе пыток и насильственных исчезновений. Amnesty International известно, что аналогичные факторы действуют на территории всего Северо-Кавказского региона. Поэтому законы, о которых говорилось выше, не вполне эффективны на практике, в частности, на Северном Кавказе и в других регионах. Ниже Amnesty International рассказывает о том, как виновникам пыток и жестокого обращения удаётся попирать и обходить предусмотренные законом защитные механизмы.

### 5.1 ЛИЦА, ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ-ПОД ЗАЩИТЫ ЗАКОНА: ТАЙНОЕ И НЕГЛАСНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Как показывают исследования Amnesty International, на Северном Кавказе у подозреваемых в уголовных делах повсеместно выбивают показания и «признания» посредством пыток и других видов жестокого обращения. Летом 2012 года представители организации беседовали с 30 адвокатами по уголовным делам, действующих во всех республиках Северного Кавказа. Почти всем им не раз приходилось работать с подзащитными, которых подвергали пыткам и жестокому обращению, и всем им было известно о том, сотрудники правоохранительных органов в соответствующих республиках прибегают к такой практике.

Чаще всего сотрудники правоохранительных органов обходят вышеописанные защитные механизмы, лишая задержанных защиты закона. Amnesty International известно о ряде случаев, когда задержанных негласно удерживали под стражей, и власти при этом скрывали их местонахождение и судьбу. Эта мера может использоваться и как временная, и как постоянная: задержанный позже «появляется» (как правило, в официальном месте содержания под стражей после того, как проведёт некоторое время в неволе, причём факт его задержания официально не признаётся и скрывается), либо его подвергают насильственному исчезновению на неопределённый срок. Тайное и непризнанное содержание под стражей может представлять собой насильственное исчезновение. Кроме того, непризнанное содержание под стражей, в

<sup>17</sup> «Замкнутый круг несправедливости: спецоперации и нарушения прав человека в Ингушетии» (EUR 46/012/2012). В докладе собраны примеры случаев, произошедших в Республике Ингушетии, однако его выводы относятся к ситуации на всей территории Северного Кавказа. Некоторые случаи, приведённые в настоящем брифинге, подробнее описаны в докладе.

том числе тайное, само по себе может быть равносильно пытке или жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. К нему также могут прибегать с целью пыток и других видов жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

Amnesty International неоднократно получала сообщения из Северо-Кавказского региона, в которых утверждалось, что сотрудники правоохранительных органов прибегают к тайному и непризнанному содержанию под стражей. При этом виновники, как правило, скрывают свою личность. Они носят маски, одеваются в униформу без каких-либо отличительных знаков, отказываются представиться и раскрыть свою ведомственную принадлежность. Жертву забирают из дома либо похищают на улице. При этом человеку, как правило, завязывают глаза, и в некоторых случаях повязку не снимают всё время пребывания в неволе. Позже некоторых освобождают, не предъявив никаких обвинений. По сообщениям, производившие захват лица зачастую предостерегают жертв от попыток добиться правосудия. После этого жертвы, как правило, стараются избежать огласки, из страха, что им самим или их родственникам отомстят, и предпочитают, чтобы обстоятельства их дел не упоминались.

Предполагается, что житель села Донгарон (Северная Осетия) **РУСЛАН ПОШЕВ** стал жертвой насильственного исчезновения 14 мая 2011 года. В этот день его в последний раз видели с друзьями в городе Карабулак в соседней Ингушетии, после чего связь с ним прервалась. В тот же день родственники сообщили о его исчезновении властям. Ранее 14 мая 2012 года (до обращения родственников к властям) вооружённые сотрудники неизвестного правоохранительного ведомства в масках провели обыск в доме, где проживал Пошев. Родственники и по сей день не знают, какое ведомство представляли эти лица. Один из проводивших обыск сказал, что Руслана Пошева подозревают в принадлежности к незаконному вооружённому формированию, но дальнейших объяснений не дал. Сообщалось, что позже машину Руслана Пошева нашли брошенной, с большой вмятиной на пассажирской двери и со следами борьбы в салоне (в салоне были повреждены сидения). Официальное расследование по факту исчезновения Руслана Пошева началось лишь 30 мая 2011 года, однако его судьба и местонахождение до сих пор неизвестны.

В некоторых случаях лиц, временно подвергаемых тайному и негласному лишению свободы, позже доставляют в официальные места содержания под стражей. Зачастую они утверждают, что во время тайного содержания под стражей их подвергали пыткам и другим видам жестокого обращения. Власти весьма редко признают факт тайного содержания под стражей; эффективное расследование утверждений о пытках и жестоком обращении также является исключением из правил. Во многих случаях, о которых стало известно Amnesty International, официальные протоколы задержания фиксировали лишь пребывание в официальных учреждениях, а телесные повреждения, имевшиеся на тот момент, нередко записывали как полученные до момента доставления задержанного в место содержания под стражей.

**МУРАТ БЕДЖИЕВ** исчез в городе Тырныауз (Кабардино-Балкария) 25 июня 2011 года. Его родственники немедленно сообщили о его исчезновении властям и многократно обращались в местную прокуратуру и Следственный комитет. Как сообщалось, на

протяжении двух дней власти отрицали, что им что-либо известно о его аресте и заключении под стражу. Родственники наняли адвоката по уголовным делам, которому также было отказано в предоставлении информации о местонахождении Мурата Беджиева, пока 27 июня 2011 года не было получено официальное подтверждение факта содержания под стражей. Как утверждалось, в этот период сотрудники правоохранительных органов подвергали Мурата Беджиева пыткам и жестокому обращению. Согласно заключению из местной больницы, в период с 27 по 28 июня к нему в ОВД трижды вызывали скорую помощь; медики зафиксировали кровоподтёки и серьёзную черепно-мозговую травму.

Лица, которых сотрудники правоохранительных органов на Северном Кавказе, предположительно, временно подвергали тайному и негласному лишению свободы, и которые согласились рассказать о пережитом (нередко на условиях конфиденциальности), неизменно утверждают, что стали жертвами пыток и жестокого обращения. Согласно их рассказам, помимо прочего, их держали с завязанными глазами длительное время либо в течение всего периода пребывания в неволе (как правило, им на голову надевали чёрный полиэтиленовый пакет, зафиксировав его липкой лентой вокруг головы на уровне глаз), перевозили в болезненном и унижительном положении (например, в багажнике машины<sup>18</sup>), связывали или заковывали в наручники и избивали, причём нередко это делали сразу несколько человек. Заявления о пытках электротоком — также весьма частое явление. Некоторым пострадавшим так и не удаётся узнать, где именно их удерживали, однако в редких случаях, например, в описанном ниже, пострадавшим об этом всё же становится известно.

Двадцать седьмого апреля 2010 года около 7:30 утра группа вооружённых людей численностью 30–40 человек без каких-либо объяснений забрала ЗЕЛИМХАНА ЧИТИГОВА из дома его матери в ингушском городе Карабулак. Мать сообщила о его похищении в компетентные органы, однако никаких сведений о местонахождении Читигова не поступало до тех пор, пока полицейские «официально» не поместили его под стражу в ОВД Карабулака 30 апреля 2010 года, когда и был составлен протокол о его задержании. Зелимхан Читигов рассказал Amnesty International, что почти всё время, пока его тайно удерживали под стражей, у него были завязаны глаза. Группы мужчин неоднократно жестоко избивали его (ногами и кулаками); к нему применяли электрошок, вставляя один из электродов в рот; ему вырвали ногти на ногах; выкручивали кожу плоскогубцами и подвешивали на металлических перекладинах. По его словам, его заставляли сознаться в причастности ко взрыву в ОВД. Он видел ещё двоих пленников со следами серьёзных травм, которых заставляли дать против него показания (один из них — Аслан Плиев — впоследствии отказался от показаний против Зелимхана Читигова, заявив, что был вынужден дать их под пытками). На ночь и в то время, когда его не пытали и не допрашивали, Зелимхана оставляли в маленькой комнате. Там ему удалось написать СМС своей матери с мобильного телефона, который остался у него в кармане. Он молил о помощи, но не мог объяснить, где его держат. По имеющимся сведениям, впоследствии благодаря детализации счёта мобильного оператора удалось установить, что этим местом был Центр по борьбе с экстремизмом Министерства внутренних дел, расположенный в Назрани.

Сейчас два высокопоставленных сотрудника полиции, чьи подчинённые причастны к насильственному исчезновению Зелимхана Читигова, ждут вынесения приговора по целому ряду обвинений в совершении уголовных преступлений. В деле одного из

<sup>18</sup> Хотя такие меры явно незаконны, существуют убедительные доказательства, подтверждающие их применение — помимо рассказов пострадавших и очевидцев. Например, арест Магомеда, Мурада и Берда Хазбиевых вооружёнными сотрудниками полиции за административное правонарушение 23 марта 2011 года в их доме в Назрани (Ингушетия) был записан на камеры видеонаблюдения, установленные в доме. Amnesty International ознакомилась с этой видеозаписью, на которой двое неизвестных в масках и форме выносят кого-то за ворота дома и бросают в багажник чёрного автомобиля, припаркованного на улице.

них, среди прочего, фигурирует превышение должностных полномочий в отношении Зелимхана Читигова. Кроме них, в деле Зелимхана Читигова никаких виновников из числа должностных лиц не установлено, а следователя по его делу, насколько известно, даже не пустили в здание Центра по борьбе с экстремизмом.

## 5.2. СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ БЕЗ СВЯЗИ С ВНЕШНИМ МИРОМ И ОТКАЗ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ АДВОКАТА, ВЫБРАННОГО САМИМ ЗАДЕРЖАННЫМ

В ряде рассказов о применении пыток сотрудниками правоохранительных органов на Северном Кавказе упоминаются случаи, когда людей удерживали в официальных, известных родственникам местах содержания под стражей, однако не позволяли связываться ни с близкими, ни с адвокатами.

Восьмого июня 2010 года отряд сотрудников полиции в масках забрал БЕСЛАНА ЦЕЧОЕВА вместе с его братом Адамом из дома их родственников в ингушском селе Сагопши. Их доставили в местное ОВД города Малгобека. Родственники наняли братьям адвоката, но его к ним не пустили. Не пустили к ним и членов местной общественной наблюдательной комиссии, которые также попытались посетить братьев. Опасаясь за безопасность братьев Цечоевых, родственники устроили пикетирование у ворот ОВД. По словам родных, 8 июня в 20:35, затем 11 июня, а впоследствии как минимум ещё один раз в ОВД приезжала скорая помощь. Адвокату родственников удалось получить копию медицинской справки, составленной бригадой первой скорой помощи. В ней говорилось, что Беслан Цечоев получил тяжёлые травмы головы и спины. Однако потом, насколько известно, медики отказались показывать адвокату свои заключения — предположительно, в связи с тем, что им угрожали в полиции. До 14 июня к находящимся под стражей братьям не пускали никого, кроме работников скорой помощи, а 14 июня их посетил Уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия. Он сфотографировал травмы Беслана Цечоева. Адвокат Цечоевых, которому впоследствии позволили встретиться с братьями, потребовал перевода Беслана в больницу для полноценного медицинского обследования и лечения, но получил отказ. Адама Цечоева отпустили 17 июня 2010 года, а Беслан Цечоев оставался под стражей до декабря 2010 года, когда его тоже отпустили, так и не предъявив никаких обвинений.

Утверждается, что содержание под стражей без связи с внешним миром (обычно длящееся несколько часов, но иногда и дольше) на Северном Кавказе используется для оказания давления на подозреваемых, чтобы те согласились позже в присутствии адвоката подписать «признание» либо подписать соответствующее заявление в присутствии якобы не слишком щепетильных государственных адвокатов, которые игнорируют утверждения о применении незаконных методов ведения допросов и не предпринимают никаких действий, чтобы зафиксировать травмы задержанного или собрать иные доказательства пыток и жестокого обращения. Согласно действующим правилам, в случае, когда государство обязано предоставить адвоката, местная адвокатская палата (они существуют в каждой северокавказской республике) должна, в соответствии со своим внутренним реестром, назначить адвоката, который будет защищать подозреваемого в совершении уголовного преступления. На практике же эти процедуры соблюдаются далеко не всегда. По имеющимся данным, зачастую следователь звонит определённому адвокату, которого он знает и который, по его мнению, вряд ли станет задавать вопросы о незаконных методах ведения допроса и прочих нарушениях. Нанятый в частном порядке адвокат, которому задержанный доверяет и которому, следовательно, отдаст предпочтение, может подключиться к делу в любой момент, но не раньше, чем родственникам сообщат о задержании подозреваемого и они смогут нанять такого адвоката. А до тех пор зачастую успевают состояться первый допрос подозреваемого в присутствии государственного адвоката. Поэтому право подозреваемого на самостоятельный выбор адвоката формально соблюдается, но в промежутке до этого момента часто назначается более

предпочтительный для следственных органов государственный адвокат, и в результате одна из главных целей — обеспечить эффективную защиту от пыток и жестокого обращения — остаётся недостигнутой.

Amnesty International в июне 2012 года побеседовала с 30 адвокатами по уголовным делам из Чечни, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии. Большинство из них жаловались на то, что когда их в частном порядке нанимают для клиента, подозреваемого в членстве в вооружённом формировании или в иных, связанных с этим преступлениях, им приходится браться за дело не с начала, а тогда, когда подзащитный уже подписал показания против себя. Такие показания подписываются в присутствии государственного адвоката, который видит, но игнорирует применение пыток и жестокого обращения для получения признания. Многие из адвокатов, с которыми удалось поговорить Amnesty International, также жаловались на случаи, когда их под разными предлогами не пускают к находящимся под стражей клиентам. Так, например, следователь или сотрудник СИЗО может сказать им, что подзащитный отказался от их услуг в пользу государственного адвоката; им могут давать ложную информацию о местонахождении клиента (утверждая, что тот находится в другом месте содержания под стражей, порой не конкретизируя, в каком именно); или же от них требуют предъявить специальное разрешение на встречу с подзащитным (которое не требуется по закону).

Двадцать пятого сентября 2010 года по подозрению в причастности к совершённой ранее во Владикавказе (Северная Осетия) самоподрыву террориста-смертника был задержан ИССА ХАШАГУЛЬГОВ. На протяжении двух дней его родственникам ничего не сообщали о его местонахождении, и они подали официальное заявление о его исчезновении. Двадцать седьмого сентября им сообщили, что Исса Хашагульгов находится в московском СИЗО «Лефортово». В начале апреля 2011 года сотрудники СИЗО сказали его московским адвокатам, что того перевели во Владикавказ, а несколькими днями позже сообщили, что он всё ещё в Москве. Однако когда один из адвокатов попытался навестить его в «Лефортово», ему, по его словам, отказали в свидании. Журналисты связались с администрацией СИЗО во Владикавказе, но им сказали, что Исса Хашагульгов там нет. Лишь 14 апреля 2011 года одному из его адвокатов удалось связаться с ним во Владикавказе. Утверждается, что в течение обоих периодов содержания под стражей его подвергали пыткам и жестокому обращению. В ночь на 19 января 2012 года, согласно информации, полученной родственниками Исы Хашагульгова, по их словам, от одного из его адвокатов, его забрали из камеры и отвезли в неустановленное место, где избили и угрожали дальнейшим применением силы, если он откажется сотрудничать со следствием. После этого случая, по имеющимся сведениям, Исса Хашагульгов попросил провести медицинский осмотр, чтобы зафиксировать травмы, но его просьбу проигнорировали. Насколько известно, шестого, седьмого и восьмого февраля 2012 года адвокатов раз за разом отказывались пускать к нему, и все это время его возили днём из одного места содержания под стражей во Владикавказе в другое, возвращая обратно лишь на ночь. Сообщалось, что все эти дни перевозки проводились без уведомления адвокатов. Более того, администрация второго места содержания под стражей отказалась пускать адвокатов к Иссе Хашагульгову без письменного разрешения следователя.

### 5.3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НА УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПОД ПЫТКАМИ

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ говорится, что судья должен исключать любые доказательства, незаконно полученные в ходе следствия, включая показания, данные под пытками или в результате жестокого обращения. Судья имеет право изучать относящиеся к делу доказательства, в том числе на предмет применения пыток и жестокого обращения. Для этого судья может допросить возможных свидетелей, затребовать проведение экспертизы, запросить нужную дополнительную информацию и т. п., но в ходе судебного разбирательства судья не может вести полноценное судебное следствие по

другому предполагаемому преступлению, в частности —расследовать утверждения о пытках и других видах жестокого обращения. На практике судья не будет считать, что пытки и жестокое обращение имели место, до тех пор, пока эти утверждения не будут расследованы надлежащим образом и подтверждены фактами. Обязанность разбираться со сделанными на суде заявлениями о пытках и жестоким обращении возлагается на сторону обвинения и следствие (а они в контексте уголовного процесса не являются беспристрастными участниками, поскольку зачастую сами являются теми органами, в адрес которых звучат обвинения, либо представляют доказательства, полученные, предположительно, под пытками). Судья не может заставить Следственный комитет возбудить уголовное дело. Однако судья может (хотя и не обязан) вынести частное определение, где говорится, что прокуратура или Следственный комитет должны провести проверку в связи с предполагаемыми нарушениями, чтобы установить, имеются ли основания для возбуждения дела, либо вынести частное определение о необходимости устранить явные недостатки предыдущей проверки. Судья также может отложить слушание дела до тех пор, пока суд не получит запрашиваемую информацию.

Второго февраля 2011 года Ставропольский краевой суд вынес обвинительные приговоры по громкому делу двенадцати человек, осуждённых в связи с нападением на Республику Ингушетию в ночь с 21 на 22 июня 2004 года. Большинство из них получили сроки от 20 лет до пожизненного заключения, однако троим были вынесены менее суровые приговоры. Адвокаты неоднократно жаловались, что суд не принимает во внимание жалобы на пытки и жестокое обращение и не признаёт соответствующие доказательства недопустимыми. Утверждения о пытках не расследовались, а суд отказался принимать ходатайства подсудимых, несмотря на медицинские справки и прочие убедительные доказательства.

Выступая на суде, адвокат Мурата Эсмурзиева сообщил, что спустя месяц после ареста его подзащитного в сентябре 2005 года, Мурата Эсмурзиева заставили подписать отказ от выбранного им адвоката в пользу государственного. Насколько известно, государственный адвокат закрывал глаза на применение незаконных методов ведения допроса (включая избивание и угрозы) и ничего не предпринимал в связи с этим. В тот же день, как государственный адвокат принял дело, Мурата Эсмурзиева после допроса госпитализировали для проведения экстренной хирургической операции. В ноябре 2005 года родственники Эсмурзиева наняли для него нового адвоката, который потребовал от властей расследовать утверждения о пытках, но его жалоба осталась без удовлетворения. Родственники также написали в Генеральную прокуратуру, но оттуда их жалобу вернули в местную прокуратуру, которая, в свою очередь, отказалась возбуждать по ней уголовное дело. Впоследствии Мурат Эсмурзиев жаловался на пытки на суде — безрезультатно. Его признали виновным в ряде преступлений и приговорили к 25 годам лишения свободы. Он и другие подсудимые обжаловали приговоры, но 23 сентября 2011 года Верховный Суд РФ оставил их в силе.

На Северном Кавказе и в других частях России обвиняемые, проходящие по делам о предполагаемой причастности к деятельности вооружённых формирований, на суде часто заявляют, что к ним применяли пытки, чтобы добиться от них письменных показаний против себя и показаний на других людей. Один ингушский судья, с которым разговаривали представители Amnesty International, настаивал, что утверждения о пытках часто являются элементом тактики защиты. Имеются основания полагать, что сходной точки зрения придерживаются многие судьи, что объясняет их скепсис в отношении таких жалоб.

За последние годы лишь небольшая часть дел на Северном Кавказе завершилась оправданием подсудимых, подозреваемых в членстве в вооружённых формированиях и связанной с этим деятельности. В таких делах судьи почти никогда не отказываются принимать к рассмотрению доказательства на том основании, что те получены под пытками. Все оправдательные приговоры по данным делам обусловлены лишь исключительной эффективностью защиты, которая настолько наглядно продемонстрировала сла-

бость доказательств, собранных обвинением, что это уже невозможно было проигнорировать. Поэтому процент обвинительных приговоров по подобным делам очень высок. Сообщается, что большинство обвинительных приговоров, как правило, почти целиком базируются на избобличающих показаниях самого обвиняемого либо других подсудимых, и нередко имеются веские основания полагать, что признания были получены под пытками. Кроме того, на судей явно оказывается существенное давление, чтобы те выносили обвинительные приговоры в отношении предполагаемых членов вооружённых формирований.

В конце 2009 года президент Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров сделал ряд громких заявлений, в которых обвинил ингушских судей в коррупции и снисходительности к преступникам за вынесение оправдательных или мягких приговоров, а также посетовал, что некоторые «недобросовестные судьи» мешают любым попыткам улучшить общую ситуацию в республике. Это привело к серии публикаций в СМИ и взаимным публичным обвинениям, обнажившим глубокий конфликт между президентом и высокопоставленными представителями судебной системы республики. В других республиках Северного Кавказа подобные конфликты никогда не принимали публичные формы, хотя, возможно, судьи сталкиваются с аналогичным политическим давлением во всём регионе.

#### 5.4. НЕДОСТАТОЧНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ПРОКУРАТУРЫ И СВЯЗАННАЯ С ЭТИМ БЕЗНАКАЗАННОСТЬ

Эффективное расследование и успешное уголовное преследование по делам о пытках и жестоком обращении остаются редкостью на территории РФ. Особенно редки они на Северном Кавказе, где Amnesty International известно лишь о единичных случаях, закончившихся осуждением виновника, а в 2012 году вообще отмечено всего одно подобное дело. Количество же сообщений о вызывающих доверие жалобах, по которым не проводилось беспристрастного и эффективного расследования, значительно превосходит число подобных дел. Amnesty International задавала российским официальным лицам вопрос о количестве дел такого рода. На тех встречах и в тех сообщениях, где представители российских властей были готовы прокомментировать конкретные дела, они либо отрицали обвинения в незаконном применении силы, пыток и жестокого обращения как лживые или неподтверждённые, либо настаивали, что применение силы сотрудниками правоохранительных органов или администрацией мест содержания под стражей являлось правомерным и необходимым, чтобы удержать агрессивного задержанного.

Не все жалобы на пытки и жестокое обращение одинаково убедительны, однако сообщения, подкреплённые вескими доказательствами (например, независимыми медицинскими экспертизами), регулярно поступают из разных частей Российской Федерации. Несомненно, имеются объективные сложности с эффективным расследованием подобных утверждений. Среди прочего, это и отсутствие независимых свидетелей. Кроме того, на Северном Кавказе ситуация осложняется многочисленными уровнями режима секретности, который окружает действия правоохранительных органов, и осуществляемую негласно оперативно-розыскную деятельность. Факты, относящиеся к подобной деятельности, сложно доказать, и, следовательно, жалобы на пытки и жестокое обращение, а также другие нарушения прав человека труднее расследовать. Должностные лица зачастую действуют инкогнито (в масках или балаклавах, в неопознаваемой униформе без знаков различия) даже в ходе вполне рядовых операций по обеспечению правопорядка. В итоге потерпевшим и свидетелям сложно установить не только личность отдельных должностных лиц, но даже подразделение и орган, сотрудниками которого те являются. На это обстоятельство часто ссылается официальное следствие, говоря о невозможности установить личность виновников. Иногда эти утверждения звучат вполне правдоподобно, а иногда, похоже, просто служат предлогом, чтобы не проводить расследование. Когда следственные органы раз за разом демонстрируют всякое отсутствие разумных усилий по установлению личности и преследованию предполагае-

мых виновников, трудно удержаться от вывода о том, что власти просто не желают проводить эффективное и беспристрастное расследование утверждений о пытках и жестоком обращении.

Тридцать первого мая 2011 года 11 МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ (все они проходили обвиняемыми по одному и тому же делу) доставили из СИЗО в Пятигорске (Ставропольский край) в Назрань для проведения предварительных слушаний. Родственники видели их на заседании суда, состоявшемся первого июня, а потом их увезли обратно в Пятигорск. Родственники некоторых из этих молодых мужчин подали официальные жалобы на то, что задержанных жестоко избили по прибытии в изолятор временного содержания (ИВС) при Министерстве внутренних дел Ингушетии в Назрани. После этих жалоб первого июня 2011 года задержанных посетили представители местной общественной наблюдательной комиссии. Задержанные рассказали им, что по прибытии в здание МВД им приказали по одному выходить из автозака и идти во внутренний двор. Там им велели встать на колени, после чего люди в масках и форме без знаков различия избили их дубинками и металлическими прутьями. Как сообщалось, сотрудники полиции, осуществлявшие транспортировку, и сотрудники ИВС не вмешивались, пока избиение не прекратилось. После этого доставку задержанных в ИВС официально оформили, а травмы зафиксировали как полученные до прибытия. По имеющимся данным, несколько из арестованных потребовалась медицинская помощь, а пятерых пришлось отвезти в больницу в Назрани. Посетившие их члены общественной наблюдательной комиссии видели некоторые из травм, включая кровоподтеки и порезы, а также записи об этих травмах в журнале ИВС. Уполномоченный по правам человека впоследствии обратился в прокуратуру Ингушетии с требованием провести проверку по данным жалобам. Насколько известно, в июле 2011 года было возбуждено уголовное дело по статье 286 Уголовного кодекса («превышение должностных полномочий»), но позже оно было приостановлено в связи с невозможностью установить личности виновников.

Amnesty International обеспокоена тем, что органы прокуратуры и следствия, особенно на местном уровне (где, по сути, и рассматриваются все жалобы на нарушения прав человека сотрудниками правоохранительных органов), зачастую недостаточно независимы, чтобы проводить тщательное и эффективное расследование утверждений о пытках и жестоком обращении, как того требует действующее законодательство и нормы международного права. Сомнения вызывает даже беспристрастность в случаях проверок и расследований по жалобам на сотрудников других органов, не говоря уже о собственном ведомстве. Все эти органы, по большей части, имеют общие цели, включая борьбу с преступностью, и не в последнюю очередь — противодействие незаконным вооружённым формированиям. Крайне маловероятно, что эти части единой машины уголовного правосудия, сотрудничая друг с другом в решении этой задачи, будут готовы проверять друг друга в связи с предполагаемыми нарушениями, допущенными в ходе другой деятельности, например — в ходе борьбы с преступностью.

Поэтому создание в составе Следственного комитета специальных подразделений по расследованию преступлений, предположительно совершённых сотрудниками полиции и других правоохранительных органов, представляется важным начинанием. Однако для преодоления безнаказанности пыток и жестокого обращения в правоохранительных органах им потребуются соответствующие ресурсы, и российские власти должны сделать всё от них зависящее, чтобы эти подразделения эффективно работали как независимый институт. Эффективность необходимо регулярно оценивать с точки зрения раскрытия старых и новых дел о предполагаемом применении пыток и жестокого обращения на Северном Кавказе и по всей России.

## 6. НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ПЫТКАМИ И ИХ ИСКОРЕНЕНИЮ

Несмотря на то, что в последние годы Российская Федерация предприняла ряд мер по борьбе с пытками и жестоким обращением, а также по их искоренению, сообщения о подобных случаях продолжают часто поступать из разных концов страны. Пытки и жестокое обращение по-прежнему широко применяются, а виновники из числа сотрудников правоохранительных органов пользуются безнаказанностью. Гарантии защиты от пыток, предусмотренные для задержанных в системе российского уголовного правосудия, сами по себе неплохи, но должностные лица постоянно попирают и обходят их, особенно в ходе допросов. Во время последних визитов Amnesty International на Северный Кавказ организация зафиксировала ряд случаев, подтверждающих распространённость пыток и жестокого обращения в данном регионе и демонстрирующих то, каким образом сводятся на нет все существующие гарантии. Эти примеры показывают, что те же самые методы могут применяться и в других частях Российской Федерации, если в кратчайшие сроки не будут приняты следующие меры.

Amnesty International призывает власти России:

- привести нормы действующего законодательства, запрещающие пытки и жестокое обращение, в полное соответствие с определениями Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;
- признать, что проблема пыток и других видов жестокого обращения не исчерпывается отдельными инцидентами, а носит повсеместный характер как на Северном Кавказе, так и в других частях Российской Федерации; выразить решимость бороться с подобными злоупотреблениями и их безнаказанностью; а также заставить правоохранительные органы нести ответственность за свои действия;
- приложить все усилия к прекращению всех случаев незаконного, непризнанного, тайного задержания и содержания под стражей без связи с внешним миром, а также к соблюдению прав всех задержанных во всех без исключения случаях, включая право на адвоката по собственному выбору и право своевременно уведомить родственника или иное третье лицо о факте своего задержания;
- гарантировать независимое, своевременное, беспристрастное и эффективное расследование всех утверждений о насильственных исчезновениях, непризнанных и тайных задержаниях, содержании под стражей без связи с внешним миром, пытках и жестоком обращении; привлекать к суду ответственных за это должностных лиц;
- эффективно обучить тому, как правильно обращаться с задержанными, арестованными и заключёнными, всех сотрудников правоохранительных органов и должностных лиц, отвечающих за содержание под стражей, ведение допросов и медицинское обслуживание задержанных, арестованных и заключённых. Подобное обучение, среди прочего, должно включать в себя разъяснения, что: (а) пытки и жестокое обращение — уголовное преступление; (б) следует отказываться от исполнения приказа о применении пыток и жестокого обращения, и что неисполнение подобного приказа не будет наказано; (в) обо всех обоснованных подозрениях на пытки или жестокое обращение следует сообщать в компетентные органы;
- принять меры к тому, чтобы прокуратура, следственные и судебные органы на местном, региональном и федеральном уровнях делали всё от них зависящее, чтобы в кратчайшие сроки эффективно, независимо и беспристрастно проверять утверждения о пытках и жестоком обращении, и чтобы никакие заявления и прочие материалы и информация, полученные в результате пыток и жестокого обращения,

не использовались в суде. Исключение — использование их на процессах против лиц, обвиняемых в пытках и жестоком обращении, в качестве доказательства того, что такое заявление имело место;

- уделить особое внимание тому, чтобы судьи получили чёткие указания касательно проверки соответствующих доказательств, представленных защитой, в случаях, когда подсудимый утверждает, что сделанные им ранее заявления, включая подписанные в присутствии адвоката документы, были получены под пытками либо в результате жестокого обращения (с требованием исключать такие заявления из числа доказательств, если заявление действительно было получено таким образом);
- предоставить все необходимые ресурсы недавно созданным в составе Следственного комитета специальным подразделениям по расследованию преступлений, предположительно совершённых сотрудниками правоохранительных органов. Гарантировать эффективность, независимость и беспристрастность расследования жалоб на пытки и жестокое обращение. Разработать чёткие инструкции и исчерпывающие критерии для передачи дел в новые подразделения Следственного комитета и регулярно следить за эффективностью их работы.